

в их воззрениях на художественное слово народа, автор не ограничивается теоретическими воззрениями их на фольклор, но обращает внимание также на то, какой отклик находит это в художественной практике писателей.

Особенно полно это отразилось в последней очерке — о кипучей литературно-общественной деятельности Салтыкова-Щедрина, показанной автором как своеобразный итог русской революционно-демократической фольклористики XIX века.

Автор не ограничивает фольклоризм русских революционных демократов узкими национальными рамками, а стремится показать их деятельность в связи с развитием других национальных культур, в частности культуры братского украинского народа (деятельность Тараса Шевченко, Марка Вовчка и др.)

Научная разработка революционными демократами коренных вопросов народно-поэтического творчества и органически связанной с этим проблемы народности литературы и искусства получила дальнейшее развитие в деятельности основоположника марксистской эстетики Плеханова и Горького. Для советских ученых, разрабатывающих проблемы народности советского искусства, многообразного по национальным формам, единого по социалистическому содержанию, научное наследие революционных демократов сохраняет непреходящее значение. Эта мысль с достаточной четкостью формулируется автором в заключительной части его работы.

Недостатком рассматриваемой книги (свойственным многим работам по гуманитарным дисциплинам) является то, что, выступая против «единого» потока в развитии национальной культуры, призывая соблюдать строго дифференцированный подход к рассмотрению борьбы прогрессивного и реакционного в ней, автор сам фактически рассматривает развитие русской фольклористики XIX в. в плане единого демократического направления.

Критика русской официальной науки часто носит характер «скольжения по поверхности». Нам кажется, что реакционный лагерь в русской фольклористике XIX в. следовало бы обрисовать более подробно. Ценность работы от этого значительно бы возросла. Заглавие книги, кстати, не отражает полностью круга вопросов, затрагиваемых автором.

Характеризуя национальную специфику русского народно-поэтического творчества, автор подчеркивает его реалистический характер, его освободительные идеи, патриотизм. Но свободолюбие, патриотизм — общечеловеческие идеалы, которые, конечно, находят отражение в искусстве каждого народа. То же можно сказать и о характеристике автором русской народной лирики. В. Е. Гусеву следовало бы не ограничиваться общими формулировками, мало дающими для раскрытия национальных особенностей исключительно богатого по содержанию и многообразного по формам русского народно-поэтического творчества.

На стр. 161 автор утверждает, что «между народной сатирой и произведениями Щедрина нет принципиальной разницы». Нам кажется, что этот подход слишком прямолинеен. Автор игнорирует специфические особенности индивидуального и коллективного творчества.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что работа В. Е. Гусева «Русские революционные демократы о народной поэзии» — интересное, нужное для нашей науки и пока единственное в этой области исследование.

И. П. Березовский

С. Т. Званба. *Этнографические этюды*. Под редакцией и с предисловием Г. А. Дзидзария. Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гуля АН Грузинской ССР, Сухуми, 1955, 81 стр.

Дмитрий Трунов. *Свет из России*. Дагкиногиздат, 1956, 207 стр.

Соломон Званба, первый абхазский этнограф, воспитывался и получил общее и военное образование в Петербурге. Во время Крымской кампании, когда военные действия развернулись на территории Абхазии, Званба командовал линейным батальоном и был убит в сражении на р. Ингур в 1855 г.

В последние годы своей жизни Званба опубликовал четыре работы по истории и этнографии абхазов, положившие начало серьезному этнографическому изучению абхазского народа и составившие крупный вклад в абхазоведение.

В 1852 г. в газете «Кавказ» была напечатана первая работа Званба «Зимние походы убыхов на Абхазию», являющаяся единственной специальной статьей, посвященной убыхам. В этой статье автор, на основании непосредственных наблюдений над жизнью убыхов, приводит интересные сведения о военном строе народа, а также некоторые данные об одежде и пище. В статье «Обряд жертвоприношения святому победоносцу Георгию, совершаемый ежегодно абхазцами», напечатанной в том же 1852 г., Званба дает подробное описание обрядов, связанных с жертвоприношениями в честь Георгия Илорского. Под оригинальным названием «Поцелуй за занавесом» в 1854 г. была напечатана третья статья Званба. В ней рассказывается о свадебном обряде абхазов, существовавшем в середине XIX в., отмечается широкое участие родственников обеих сторон в заключении брачного союза. Здесь же автор впервые в

литературе дает интересное описание абхазского архаического брачного дома — амхара. Очень интересно сообщение Званба о наличии амхара и в доме родителей невесты.

Наиболее ценной и значительной работой Званба, посвященной этнографии Абхазии, является статья «Абхазская мифология и религиозные поверья и обряды между жителями Абхазии», содержащая большой, разнообразный материал.

Работы Соломона Званба получили высокую оценку со стороны многих авторов, писавших впоследствии по этнографии Абхазии и неизменно заимствовавших у Званба его ценнейшие данные. И до сих пор советские этнографы-кавказоведы постоянно возвращаются к сочинениям Званба.

В рецензируемом издании Г. А. Дзидзария посвятил Званба обстоятельный библиографический очерк, в котором, широко используя разнообразные, в частности архивные источники, дал всестороннюю характеристику личности и творчества основоположника абхазской этнографии. Характеризуя его значение, Г. А. Дзидзария целиком присоединяется к тем оценкам, которые были высказаны о первом абхазском этнографе М. О. Косвеном¹.

Следует приветствовать подобного рода переиздания старых этнографических работ отдельных авторов. Работы эти, напечатанные в свое время в местных газетах и журналах, ныне трудно доступных, могут быть таким образом прочитаны и использованы современными этнографами, а также более широким кругом читателей.

* * *

Дагестанское издательство выпустило книгу местного журналиста, сотрудника «Дагестанской правды» Д. И. Трунова — «Свет из России». В ряде очерков автор рассказывает о том, как на протяжении веков русские люди — ученые, путешественники, офицеры, служившие в Дагестане, — изучали экономику страны и культуру населяющих ее народов. Значительное место в этих очерках занимает этнография Дагестана.

Изучение народов Дагестана начинается со времени Петровского похода 1722 г. С этим походом связаны и первые работы по изучению народов Дагестана: выдающийся труд И. Гербера, а также сочинения спутников Петра — Дмитрия Кантемира и Джона Белля. Особый очерк посвящает автор работам академика С. Гмелина.

Следующий крупный этап в изучении народов Дагестана связан с Персидским походом В. Зубова в 1796 г. Участники этого похода П. Г. Бутков и С. Н. Броневский стали затем выдающимися кавказоведами, значительную часть своих работ посвятившими Дагестану.

Далее в очерках Д. И. Трунова следует длинный ряд авторов XIX в., из числа которых ценные работы дали историк-кавказовед А. Берже, военный врач И. С. Костемеровский, историк Е. И. Козубский, лингвист П. К. Услар и, наконец, Максим Ковалевский, значение которого для этнографии Дагестана общезвестно.

В книге Д. И. Трунова нашли себе место и русские писатели — Л. Н. Толстой, А. А. Бестужев-Марлинский, А. И. Полежаев, а также художники Г. Г. Гагарин и Е. Е. Лансере, произведения которых имели немалое значение для популяризации этнографии Дагестана. Отдельный очерк посвящен работам археологов, среди которых наиболее видное место занимают труды Д. Н. Анучина.

В целом автору удалось довольно полно и широко охарактеризовать вклад русских людей, представителей науки и искусства, в изучение Дагестана.

Однако в книге имеются и некоторые пробелы. Несомненно, заслуживали бы внимания такие авторы, как военные врачи Н. М. Трипольский и П. Ф. Свицерский, а также офицер П. С. Петухов, который впервые дал основанное на непосредственных наблюдениях описание сел. Кубачи (он же до того обнаружил забытую могилу Гмелина).

Серьезным пробелом надо считать также отсутствие в сводке Д. И. Трунова сведений о собирании и записи адатов народов Дагестана, произведенных в 60-х годах XIX в. под руководством начальника штаба Дагестанской области А. В. Ксмарова. Комаровым же был напечатан ценный обобщающий очерк дагестанских адатов в судопроизводства по ним и опубликован перевод кодекса законов Кайтакского уцмья Рустем-хана. Значительно расширило бы материалы Д. И. Трунова привлечение архивных документов, в числе которых имеется ряд ценнейших работ по этнографии Дагестана, датируемых XVIII и первой половиной XIX в.

Книга Д. И. Трунова написана хорошим языком, живо и занимательно и будет с большим интересом и большой пользой принята массовым читателем как в Дагестане, так и за его пределами.

Рецензируемая книга снабжена кратким предисловием Х.-М. О. Хашаева, рассказывающего об экономических и культурных достижениях народов Дагестана со времени Октябрьской социалистической революции и дающего правильную оценку книги Д. И. Трунова, как первой в русской литературе попытки «осветить многовековую историю русско-дагестанских отношений, основывающихся не на войнах и кровопролитиях, а развивавшихся мирным путем». Дагестан, по словам Х.-М. О. Хашаева, представлен в книге «освещенным светом культуры, идущим из России, светом, зажженным прогрессивными деятелями русского народа».

Г. А. Сергеева

¹ М. О. Косвен, *Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке*, «Кавказский этнографический сборник», I, М., 1955, стр. 356.